

Олег Бобраков

Будущее РОССИИ

Алгоритм переворота

 ПИТЕР

Олег Александрович Бобраков

Будущее России.

Алгоритм переворота

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3928215

Будущее России. Алгоритм переворота: Питек; СПб.; 2012

ISBN 978-5-459-00865-4

Аннотация

очему из формулы «деньги – товар – деньги» выпал «товар»? В чем тождество неолибералов и необольшевиков? Как КГБ и маршал Жуков невольно разрушали обороноспособность страны в 50-х годах? Что в действительности произошло в небе над Сахалином в 1952 и 1983 годах? Возможна ли диктатура пролетариата без пролетариата? Почему демократия в России нереальна в принципе? Автор книги предлагает вашему вниманию эксклюзивную информацию, которой вы не найдете в открытых источниках.

Содержание

От автора	5
Глава 1	11
Парадокс первый: русская монархия без русских монархов	16
Парадокс второй: буржуазно-демократическая революция без демократии	23
Парадокс третий: диктатура пролетариата без пролетариата	27
Парадокс четвертый: гражданская война без гражданского общества	30
Парадокс пятый: социализм без социалистов	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Олег Александрович
Бобраков
Будущее России.
Алгоритм переворота**

От автора

Издание четырехтомного «Проекта “Россия”» стало заметным событием в публицистике. Умело организованная интрига вокруг авторства первых трех томов, свежий взгляд на современное состояние страны – все это давало читателю большие надежды. Но, к сожалению, запал книги выдыхался от тома к тому. В конечном итоге проекта не получилось. Дело завершилось еще одним, неплохим самим по себе, разбором бедственного положения России. Но подобные разборы уже, честно говоря, приелись.

Почему же так вышло? Беда большинства прошлых и нынешних преобразователей мира в том, что они пытаются построить завтрашнее общество, опираясь на позавчерашние технологии. В этом причины утопизма и неудач, постигших как мечтателей типа Оуэна, Сен-Симона или Фурье, так и коммунистов-марксистов или современных прожектеров. Особенно это характерно для представителей гуманитарных наук, присвоивших себе монопольное право проектировать развитие общества. Но ведь они попросту не знают, как это делать. В результате проекты превращаются либо в утопию, либо в забавное футурологическое творчество. Между тем современная наука, располагающая такими возможностями, как системный анализ, теория управления, разработанная Норбертом Винером, информационные технологии, теория бессознательного, позволяет применить к проектированию нашего будущего качественно новый подход. Этому и посвя-

щена данная книга.

Надеюсь, благодаря ей читатель расстанется с привычными стереотипами, с установившимися взглядами на то, кем мы были, кто есть и кем станем. Причем отказываться придется не только от стереотипов, касающихся нашей страны. Но без этого мы застрянем в тупике системного кризиса – дальнейшее движение окажется невозможным.

Нам предстоит преодолеть несколько этапов – от изучения общества, в котором мы живем, до создания новой его модели и составления планов ее модернизации. Понятно, что изучать существующее общество проще, чем идти неизведанным путем его переустройства. Сама жизнь дает нам массу информации – надо только выделить главные тезисы, структурировать их и осмыслить. Но этот процесс может оказаться бесконечным. Потому-то у современных историков, политологов и социологов возникает искушение вместо разработки конструктивных предложений по переустройству России выискивать очередные инновации в деятельности Столыпина или изъяны в политике Сталина.

Мы, как и было обещано, пойдем другим путем. Будем считать, что этап обзора нынешнего состояния страны и проблем, от решения которых зависит ее безопасность, в интересах данного проекта закончен. Приступим непосредственно к проектированию.

Актуальность данной работы несомненна. История представляет собой непрерывное социальное движение. Без соот-

ветствующих социальных проектов это движение превращается в хаотичное, броуновское. Между тем за последнее столетие в России был реализован всего один настоящий проект – сталинский (если, разумеется, не считать утопического марксистско-ленинского проекта начала XX века). Пресловутые «национальные проекты» или современную программу модернизации нельзя назвать настоящими.

Проектирование любого нового объекта или процесса имеет свои законы. Сначала нужно определиться с проблемой, выяснить, что нас удовлетворяет в нынешнем состоянии, а что требует изменений. Затем устанавливаются цели проектирования, пишется техническое задание (ТЗ) на него, предъявляются тактико-технические требования к будущему объекту либо к желаемому состоянию общества. И только после этого начинается работа над самим проектом – сначала эскизным (предварительным), потом – техническим или социальным (основным). В ходе всей работы в проект вносятся необходимые коррективы и дополнения. Этот процесс продолжается и после реализации проекта во время его доводки и испытаний на практике. Можно провести аналогию с авиационным строительством: самолет, пройдя этапы конструирования, лабораторных и летных испытаний, до самого окончания службы подвергается войсковым испытаниям и модификациям, что в конце концов приводит к созданию нового типа самолетов.

Если сравнивать с морской навигацией, любой новый проект – это штурманская прокладка перемещения судна из точ-

ки А в точку Б, то есть из положения, где мы сейчас находимся, в положение, где нам хотелось бы быть. Очевидно, что для успешного перемещения из исходной точки в заданную необходимо точно знать координаты обоих пунктов маршрута. Ошибка в одном из них означает крах всего проекта.

Вот мы и занялись поиском ответов на вопросы, что мы собой представляем и где сейчас находимся. Таким образом были определены исходное местоположение корабля под названием «Россия» и его технические характеристики – возможности по перемещению. Чтобы выяснить это, пришлось совершить обстоятельный экскурс в историю. Ведь, по известному высказыванию Белинского, «настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее».

Однако остановиться на исследовании настоящего – смерти подобно. В стране складывается ситуация наподобие той, когда пациент приходит к доктору с прободной язвой, а тот вместо немедленных действий начинает неторопливо и обстоятельно повествовать об истории гастроэнтерологии, о составе крови и его исследованиях, о достижениях современной анестезиологии и об открытиях в области иммунной системы человека. Тем временем у больного начинается перитонит... К сожалению, большинство нынешних политологов, социологов и историков поступают аналогично описанному доктору.

Короче говоря, России грозит сепсис, нужно безотлагательно принимать меры, к чему мы и приступаем. Разуме-

ется, действия не исключают, а требуют точного анализа, с которого и начинается проект. Затем мы наметим заданную точку – нарисуем модель общественного устройства, к которому будем стремиться, наметим возможные пути к нему, просчитаем варианты маршрутов между точками А и Б, поговорим о защитных функциях и прочности корабля под названием «Россия», об иммунной системе нашего общественного организма и о путях реабилитации страны после уже перенесенных и еще предстоящих потрясений. Но прежде всего подготовим краткий анамнез и поставим диагноз.

Глава 1

Исходная точка, или Парадоксы российской истории

История наша ужасна! Все было не так, как нам внушалось долгие годы. Понять, что происходит сейчас, невозможно без взгляда в прошлое, на несколько десятилетий или даже столетий назад. Причем взгляд этот должен основывать-

ся не на традиционной беллетристике, не на субъективных симпатиях и антипатиях и не на эзотерических представлениях, а на методах системного и структурного анализа, науки управления.

Когда вы это сделаете, вам откроется поистине сюрреалистическая картина в духе Сальвадора Дали. Вы невольно поразитесь, узнав, что у нас была русская монархия без русских монархов, буржуазно-демократическая революция без признаков демократии, диктатура пролетариата без пролетариата, социализм без социалистов, перестройка без строительства, экономические реформы без экономики и т. п. Такие социальные кошмары не могли не привести к тому, к чему привели.

И вот что удивительно: за последние 100 лет, несмотря на бурные вроде бы потрясения, в России ровным счетом ничегошеньки не изменилось. Все так же отсутствуют цели и четкая формулировка национальных интересов, а последние нередко становятся предметом торгов и продаются тем, кто больше заплатит. Все тот же колоссальный разрыв наблюдается между словом и делом. Все так же многие уповают на утопические понятия: то за два года откуда-то народятся новые люди, строители коммунистического будущего (коммунизм-утопизм), то всемогущая рука рынка все сама регулирует (капитализм-утопизм). По-прежнему в ходу наивные рассуждения о «правах человека», «абстрактном гуманизме», «законе», который еще вчера был написан обычны-

ми людьми буквально на коленке, но уже стал превыше и природы, и закона Божьего.

Все так же, едва завоевав власть, победители, еще вчера провозглашавшие себя непримиримыми борцами с застоем и консерватизмом, начинают вещать о стабильности и не спешат обеспечивать на телевидении плюрализм мнений. Даже без «правлящей партии» не могут обойтись. А ведь с какой ненавистью они же обрушивались в начале 1990-х на 6-ю статью тогдашней Конституции, декларировавшую руководящую роль партии. Правда, нынешнюю правящую партию идеологизированной не назовешь, ведь нет у нее никакой идеологии. Разве что идеология угодничества?

Отличие наших дней от предыдущих десятилетий и столетий в одном – в вопиющей некомпетентности правящей элиты. Такого не было ни при царе-батюшке, ни при большевиках, чтобы врач-кардиолог руководил сельским хозяйством, торговец цветами и знаток теории научного коммунизма последовательно разрушал государственное имущество, а затем электроэнергетику, армию реформировал мебельщик, медициной управляла выпускница «Плехановки», а вице-премьерами становились и вовсе никому не известные личности, не руководившие до этого не то что областью или заводом, а даже примусной мастерской. Понятно, что созидать эти горе-специалисты не способны при всем желании. Да и хотят ли – большой вопрос! А чего они вообще хотят и зачем рвутся к власти? И почему так опасаются от-

мены моратория на смертную казнь?

Разумеется, нынешняя правящая команда не смогла предложить сколь-нибудь реального выхода из создавшегося положения. Тогда что может вытащить страну из омута? Чудо? Природный катаклизм? Вмешательство внешних сил («если завтра война»)? Между тем выход есть. Разговор о нем пойдет в третьей главе книги.

Но давайте обо всем по порядку. Впрочем, те, кто не любит погружаться в ретроспективу, могут сразу пролистнуть страницы первой главы и прочесть общий вывод, содержащийся в ее конце. Весь исторический экскурс понадобился только для обоснования этого вывода.

Итак, ни у кого нет сомнений, что страна находится в тяжелейшем, критическом состоянии. Она серьезно больна. Чем? Для ответа на этот вопрос сначала необходимо составить историю болезни, выяснить ее происхождение. Врач делает это в основном со слов больного. Человек, оглушенный потоками противоречивой информации, пытается восстановить в сознании историю болезни своей страны, исходя из собственного жизненного опыта, вспоминая, что он сам наблюдал в разные периоды жизни, и анализируя пережитое с высоты дня нынешнего. А повидать за последние десятилетия довелось достаточно. Теперь важно всем нам, опираясь на личные впечатления и воспоминания, постараться понять, что же произошло, по-иному взглянуть на некоторые утвердившиеся в исторической памяти представления.

Конечно, любые воспоминания могут окрашиваться эмоциями, носить отпечаток субъективности, однако по-другому и не бывает. Но для начала нельзя не заглянуть во времена, когда нас еще и на свете не было. С чего начнем? Ну, если не с Адама и Евы, то хотя бы с прихода к власти в России династии Романовых. Триста лет ее правления начались с Великой смуты и закончились смутой еще более катастрофической, которая продолжается по сей день.

Парадокс первый: русская монархия без русских монархов

Так уж повелось, что многие политики, называющие себя патриотами, а то и русскими националистами, все чаще говорят о монархии как о единственно приемлемом в России государственном устройстве. По их мнению, только власть помазанников Божьих, основанная на престолонаследии, может быть истинно национальной, легитимной. Последняя монархическая династия царствовала в России 305 лет. Была ли она национальной и легитимной?

Марта Скавронская, принцесса Мария Вюртембергская, принцесса Софья Фредерика Августа Анхальт-Цербстская, Алиса Гессен-Дармштадтская... Загадка для школьников: кто это? Русские императрицы, матери российских монархов. Правда, больше они известны под другими именами: Екатерина I; жена Павла I и мать двух будущих российских императоров Мария Федоровна; императрица Екатерина II; жена императора Николая II Александра Федоровна. Эти женщины рожали наследников престола, сами наследовали престол, а когда законных оснований для этого не было, занимали его силой, как Екатерина II, свергшая с престола Петра III.

Так были ли российские императоры русскими? Во всяком случае, сын немки и муж немки Павел I оставил в жи-

лах своих наследников Александра I и Николая I столь малую долю русской крови, что называться русскими им как бы и не пристало. В XIX веке тенденция существенно не изменилась: очень уж любили российские императоры жениться на немках. Сюда же следует присовокупить онемечивание и офранцуживание царских дворов. К тому же воспитанием детей у знати занимались немцы, а после войны 1812 года – французы. С учетом этого говорить о какой-либо особой «русскости» российских монархов не приходится. Последние столетия страной правили отнюдь не представители титульной нации.

Кто-то скажет: браки между членами монархических династий издавна были обычным делом, а во избежание кровосмешения они вынужденно становились интернациональными. Вспомнить хотя бы Анну Австрийскую – французскую королеву и десятки ей подобных в европейских государствах. Но вот незадача: назовите русских на троне в любом европейском государстве. Или хотя бы в руководстве современных стран – от Германии или Израиля до бывших советских республик, а ныне государств ближнего зарубежья. Не найдете, хотя обратных примеров масса. Была, правда, киевская княжна Анна, взошедшая на трон в Париже, но это же еще во времена Киевской Руси. Вот вам и «великоросский шовинизм», о котором так любил рассуждать известный интернационалист по партийной кличке Ленин.

Не все в порядке и с легитимностью престолонаследия.

За три столетия не было практически ни одного случая спокойной передачи власти законному наследнику. То на троне больной или недееспособный император, а правит за него либо родственник (митрополит Филарет – за сына Михаила Федоровича, а царица Софья – сразу за двоих братьев), либо фаворит (Бирон у Анны Иоанновны), то правящий император таинственным образом погибает (вспомните Александра III и многочисленные легенды, ходящие вокруг смерти Александра I). Царей убивали террористы (как произошло с Александром II и Николаем II), а если таковых не находилось, то ближайшие родственники. Хрестоматийно известны такие эпизоды нашей истории, как борьба за власть между Петром I и Софьей, устранение Петром сына Алексея, многолетняя послепетровская схватка за престол до воцарения Елизаветы Петровны, свержение Петра III Екатериной II, убийство Павла с молчаливого согласия его сына Александра I, убийство Александра II, смерть Александра III, расстрел всей семьи последнего русского императора.

Можно было бы не вспоминать сегодня трагические страницы трехвековой российской истории, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что накопленные за это время традиции стали неотъемлемой частью образа жизни нашего государства. Хотя монархия и была свергнута, но принцип, согласно которому Россией правят нерусские, сохранился. Поменялся национальный состав правящей элиты, но русских в первом Совете Народных Комиссаров по-прежнему не было.

Единственное исключение – Михаил Иванович Калинин, которого назначили на пост председателя ВЦИК после Свердлова. Однако цель данного назначения явно была демонстративной – по сути Калинин не был правителем. После гражданской войны и жесткой схватки между евреем Троцким и грузином Сталиным на тридцать лет к власти – практически на монарший трон – пришел Иосиф Виссарионович.

Наконец в 1953 году у руля государства вроде бы оказались русские. И тут народ ожидало потрясающее открытие. Если инородные правители занимались в основном приращением российских земель, приумножением богатства страны, то «свои» только раздаривали эти богатства и территории. В одной из западных газет времен Хрущева была размещена карикатура: сидит оборванный Никита Сергеевич, рядом в помятой шляпе лежат последние гроши, а сам первый секретарь ЦК партии размышляет: «Кому бы еще помочь?» И помогали. Сначала странам народной демократии, давно уже по жизненному уровню превзошедшим Советский Союз, потом странам третьего мира, лидеры которых зачастую лихо использовали ситуацию. Если Советский Союз давал деньги – объявляли о выборе социалистического пути развития, если наша помощь ослабевала – вновь возвращались на капиталистический путь и просили помощи у США. Правда, американцы были не столь простодушны и умели взыскивать за «бескорыстную» помощь по полной программе.

Немало поработал «наш дорогой Никита Сергеевич» и на

отечественной ниве. С присущим ему отсутствием дальновидности он щедро раздавал российские земли направо и налево. У Украины, ныне зарубежной, оказался исконно русский Крым. Туда же были возвращены выселенные за сотрудничество с фашистами крымские татары, которые сейчас серьезно дестабилизируют и без того непростую обстановку на полуострове. Мало того, увлекшись критикой Сталина и устранением допущенных им ошибок, Хрущев объявил отмену проведенной в годы войны депортации северокавказских народов, сотрудничавших с немцами. Ну и что? Переселенцы вернулись на прежние места жительства, которые уже успели занять переехавшие туда казаки, представители славянских и прочих лояльных к советской власти наций. Конечно, эти действия «укрепили» дружбу народов, последствия чего мы наблюдаем сейчас и будем наблюдать еще долго. Вот только цена такого «наблюдения» слишком высока – десятки тысяч жизней с обеих сторон.

И это были еще цветочки. Сколько раздал русский Брежнев, пока не посчитано, но завоеваний при нем уже не осуществлялось. Зато при русском Горбачеве и русском Ельцине (если только они оба русские) было роздано и утеряно все, что за 305 лет накопили и присоединили Романовы и еще за 30 лет – Сталин. Ничтоже сумняшеся новые правители предавали союзников, разбазаривали огромные территории, опустошали недра. Того, что пока еще осталось, правящей элите (вроде бы русского происхождения, по крайней мере,

что касается первых лиц страны) хватит на считанные годы.

Нет прогресса и в части легитимизации передачи власти. Не назовешь же законным отстранение последнего царя от престола группой лиц таинственного происхождения, назвавших себя впоследствии Временным правительством. Трудно заподозрить в юридической чистоплотности большевиков, которые разогнали Учредительное собрание, свергли Временное правительство и провозгласили власть Советов, неизвестно кем и на каких избирательных участках избранных. Фактически же в стране правил тогда Совет Народных Комиссаров, который правильнее было бы назвать Советом инородных комиссаров. Потом пошло по инерции. Сначала были безальтернативные выборы в органы власти – один кандидат на одно депутатское место. Затем произошла насильственная смена партийной верхушки – убийство всего руководства органов госбезопасности (дело Берии). Потом еще раз сменили партийную верхушку – уже путем заговора (отстранение от власти Хрущева). После чего пост лидера государства занимали люди, выдвинутые буквально одним-двумя членами Политбюро (назначение Андропова, Черненко и Горбачева на должность генерального секретаря партии). В начале 90-х разразилась настоящая вакханалия, когда рабочие выбирали начальников цехов и директоров заводов, а студенты голосовали за наиболее покладистого ректора. Всенародно избранный президент Ельцин сперва отмахнулся от результатов всенародного референдума, посвященно-

го сохранению Советского Союза, а потом с удовольствием расстрелял всенародно избранный демократический парламент. Вот такие у нас и легитимность, и демократия.

ВЫВОД ПЕРВЫЙ

После сказанного напрашивается вывод: титульная нация нашей страны не наработала навыков выдвижения национальных лидеров. А когда во главе государства все-таки оказывались русские, они, как правило, быстро забывали об обязанности блюсти национальные интересы. Не помогал и принцип наследственной передачи власти. Будучи прописанным на бумаге, в жизни он не соблюдался. Впрочем, ступени к трону обильно политы кровью монархов и их наследников во всем мире, кроме случаев, когда монархия носит бутафорский характер, как в нынешней Великобритании. Следовательно, упования на то, что возврат к монархическому строю поможет вывести страну из кризиса, не имеют под собой убедительного основания.

Что нам поможет? Может быть, обращение к демократии, воспеваемой либералами?

Парадокс второй: буржуазно-демократическая революция без демократии

Пробовали неоднократно — не получилось. Во-первых, потому, что демократии в принципе быть не может (это я попытаюсь доказать чуть позже). А во-вторых, то, что имеется в виду под этим понятием, предполагает наличие развитого гражданского общества, которого у нас нет. Что и показали так называемая буржуазно-демократическая революция 1917 года, а также события начала 1990-х годов, изначально проходившие под демократическими лозунгами.

Предположим на минуту, что власть народа все-таки возможна. (Хотя и неясно, над кем осуществляется эта власть. Народ властвует над самим собой?) Перенесемся в Петроград конца февраля 1917 года. Действительно, на улицах толпы людей с красными флагами и бантами, с революционными лозунгами, с требованиями хлеба, мира и земли. Это и есть народ? И чего он добивается? Отставки царя, которой и закончилась эта эпопея? Неужели православная страна с более чем стоимиллионным населением вмиг решила отказаться от предписанного ей свыше общественного устройства, в соответствии с которым народом правит наместник Бога на земле? Поверить в такое невозможно. Получили эти милли-

оны то, что требовали? Отнюдь! Ни хлеба, ни мира, ни земли им не дали. Зато пообещали со временем созвать Учредительное собрание, которое и будет постепенно решать все эти вопросы. А пока, мол, править будем мы, то есть «демократическое» Временное правительство. Но, может быть, народ, якобы получивший власть, жаждал иметь вождей в лице Львова, Керенского, Родзянко и т. п.? Это прозвучало бы смешно, если бы не было 1990-х годов, когда мы вторично наступили на те же грабли.

Вспомните многотысячные митинги в поддержку Ельцина и против Горбачева. Те же красные флаги, только на сей раз попеременно с монархическими трехцветными. Те же записные ораторы всех мастей с требованиями о разгоне правящей партии, об отставке ее генерального секретаря и о соблюдении каких-то расплывчатых «прав человека». Народ опять оказался обманут кукловодами. Всех так раздражал бессовестный и беспринципный Горбачев с его пустопорожней говорильней об «общечеловеческих ценностях» и вполне конкретным предательством национальных ценностей, всем настолько надоело правление аморфной партии, продолжавшей называть себя коммунистической, что люди искренне возжелали перемен. Да только впопыхах позабыли посмотреть, куда ведут эти перемены, кто призывает к ним, выдавая себя за истинных демократов, наконец, кто такой этот кандидат в вожди по фамилии Ельцин. Выяснилось бы, что это спившийся, а потому абсолютно неадекватный пар-

тийный чиновник, который сначала получил от коммунистической партии огромную, не заслуженную им власть, прошел путь от пьяного прораба до кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, а потом вдруг заявил, что он уже сбросил «оковы коммунизма».

Результат всем известен. Наивысшее выражение демократии и «общечеловеческих ценностей» – пальба из пушек по депутатам. В очередной раз народ купился на сказку о демократии. Ведь те, кто использует ее в своих целях, прекрасно осознают, что демократии не бывает в принципе. Это лишь красивая приманка для наивных. А разговоры о ней преследуют одну цель – разрушить существующую систему. Ни в 1917 году «временные», ни в 1991 году «демократы» не собирались после прихода к власти учреждать свободу собраний, слова и совести. Не планировали они вручать власть народу, разве что – «народу» в своем собственном лице. Тем более не намеревались они передавать народу собственность, особенно землю и богатства недр. Напротив, в ходе приватизации у народа было изъято даже то, что у него имелось. «Демократы» 1917-го, без сомнения, сделали бы то же самое, просто им не хватило времени – всего-то полгода. Зато их последователи поглумились вдоволь и продолжают делать это сейчас.

Власть никогда не руководствуется законом. Его называют священным для бедных, слабых и наивных. Тем более не принимают его во внимание те, кто рвется к власти, пусть

даже в ходе борьбы они без конца напоминают о главенстве этого самого закона и о том, что все без исключения граждане должны быть законопослушными. Имеется в виду: все, кроме них самих. Вспомним лозунги и реальные действия большевиков начала XX века и их последователей-противников конца столетия. И те и другие сначала призывали ко всяческим свободам, а после завоевания власти немедленно ликвидировали все свободы, отменяли действовавшие права, нейтрализовывали инакомыслящих, писали новую конституцию и создавали новое правовое поле.

ВЫВОД ВТОРОЙ

Демократии на самом деле не существует. Обращение к ней представляет собой коварное орудие свержения власти. Понятие о демократии всегда используется как инструмент разрушения, но не созидания. Уповать на нее как на средство качественного изменения общественной системы в лучшую сторону, рассчитывать на всевозможные голосования, выборы, референдумы – наивно и бессмысленно. Вспомним, как обошелся Ельцин с результатами референдума по поводу сохранения СССР или как его команда откорректировала результаты выборов 1996 года. Впрочем, о последнем еще будет сказано.

Если на «демократические» методы надеяться не приходится, что остается? Может быть, гражданская война? Но и это уже было.

Парадокс третий: диктатура пролетариата без пролетариата

Прежде всего вспомним, кто был у власти в момент развязывания гражданской войны. Большевики, заявившие в 1917-м, что в России есть партия, готовая взять власть в свои руки, и доказавшие это в октябре того же года, конечно, понимали: народу не понравится, что после царя-батюшки им правит некая партия. Требовалось заявить, что теперь правит сам народ – советы народных депутатов. Но и это звучало неубедительно. Ведь народ – понятие слишком широкое, к нему относится все население страны независимо от имущественного или социального положения. Кого в такой ситуации подавлять, над кем творить насилие? Иначе власть попросту не нужна.

Тогда и решили обратиться к марксистскому тезису о диктатуре пролетариата. И тут судьба сыграла с вернувшимися из многолетней эмиграции революционерами злую шутку. Проживавшие годами в Швейцарских Альпах, в Париже, а то и в Нью-Йорке, сторонники как Ленина, так и Троцкого, видимо, запомнили, что в России не было того пролетариата, который подразумевался в трудах классиков, что численность рабочих составляла на то время около 4 % населения страны. Новое сословие начало оформляться не три столетия назад, как в Западной Европе, а всего лишь с момента

отмены крепостного права, то есть история русского пролетариата едва насчитывала полвека. Сосредоточенный в столицах, на Урале и на юге Украины рабочий класс был еще не вполне пролетариатом – скорее только люмпен-пролетариатом. Видимо, поэтому ему предлагалось спешно объединяться с рабочими более развитых в промышленном отношении стран Европы и Америки, о чем свидетельствует знаменитый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Но где и с кем мне соединяться?» – тоскливо размышлял российский рабочий. И было отчего загрустить. Как показала история, и в начале XX века, и позже рабочий класс развитых стран – пролетариат в марксистском понимании – не спешил ни с кем объединяться, а тем более устанавливать свою диктатуру.

Да и в российской правящей группировке отнюдь не было тесно от спецовок. С ходу припоминается только луганский рабочий Климент Ворошилов, возможно, была еще пара человек на второстепенных ролях. Но руки вождей не держали ни серпа, ни молота, ни напильника и не имели следов металлической пыли. Так чья же диктатура была установлена в октябре 1917-го? Какие политические силы схлестнулись в четырехлетней гражданской войне? На эти вопросы еще предстоит ответить истории. Придется кропотливо проанализировать результаты предреволюционных переписей населения в стране, социальный и национальный состав РСДРП в канун и в ходе Октябрьской революции и гражданской вой-

ны, национальный и классовый состав обеих армий, географию военных действий и многое другое.

ВЫВОД ТРЕТИЙ

Диктатуры пролетариата не существовало нигде. В странах со слаборазвитой промышленностью не было пролетариата как такового. Под его флагом диктатуру устанавливали совсем другие силы, объединенные в политические партии и нелегальные организации. Там, где имелся пролетариат в марксистском понимании этого слова, он не спешил устанавливать диктатуру.

Парадокс четвертый: гражданская война без гражданского общества

Ясно, что так называемая гражданская война в России велась не между крестьянами и помещиками, поскольку к тому времени представители бывшего феодального сословия составляли ничтожное меньшинство населения и на ситуацию в русской деревне не влияли. Не воевали между собой рабочие и крестьяне, так как никакой диктатуры пролетариата на самом деле не было, хотя бы по причине малочисленности рабочего класса. Он проявил себя только в ходе проведения политики «военного коммунизма» — при продразверстке. Десятью годами позже для осуществления принудительной коллективизации в деревню из города направлялись рабочие — «десятитысячники» и «пятидесятитысячники». Очевидно, что эти названия связаны с количеством мобилизованных по партийному призыву пролетариев. Как видим, для решения вопросов классовой борьбы пролетариат мог выделить лишь несколько десятков тысяч своих посланцев. И это в стране с многомиллионным населением и миллионной армией. Выступи пролетариат против этой силы самостоятельно — он был бы уничтожен за считанные недели.

Может быть, рабочие объединились с беднейшим крестьянством, как об этом официально заявлялось? Тогда возникает другой вопрос: а как повели себя в этой ситуации се-

редняки? Ведь они составляли основную массу русских крестьян. Если большинство из них пошли вслед за бедняками и рабочими, то с кем вся эта армия воевала целых четыре года? С кулаками? Но их было немного, и подавление их заняло бы от силы несколько месяцев. Итак, кто и с кем воевал? Кто победил и почему в период коллективизации вся тяжесть репрессий обрушилась главным образом на того же середняка и искусственно образованную прослойку зажиточных крестьян?

Кулацких семей, то есть тех, кто эксплуатировал наемный труд, в типичной российской деревне насчитывались единицы. Кулаков-мироедов все ненавидели за ростовщичество, но после каждого неурожая вынуждены были идти к ним на поклон за процентными ссудами и семенами в долг. Бедняков тоже было мало. Они, как правило, относились к породе людей, не желавших жить плодами собственного труда и привыкших рассчитывать на доброту односельчан. Так община их и кормила «всем миром» – нельзя же бросить этих пьяниц, свои как-никак. Зато, когда настало время, эти пьяницы с ведома властей быстренько создали комитеты бедноты и приступили к «раскулачиванию» своих кормильцев.

Пока продолжалась гражданская война, развернуться комбедовцам было сложно. Зато когда она закончилась и на смену недолгой политике нэпа пришла индустриализация с коллективизацией, «сельские пролетарии» развернулись во всю мощь. Сотни и тысячи земляков их усилиями были со-

сланы на Соловки и в Сибирь, о чем свидетельствуют документы.

Всякая гражданская война предполагает столкновение интересов разных классов или достаточно крупных социальных слоев и групп. Противоборствующие стороны должны иметь вождей, наиболее четко выражающих их цели и идеологию. Можно ли выделить такие противоборствующие классы и социальные слои среди участников российской войны?

В начале XX века русская деревня политикой особенно не интересовалась. Не до того было – выжить бы в условиях голода, болезней и вооруженных стычек. О Ленине что-то слышали, Сталина еще не знали. О прошедшей революции рассуждали приблизительно так: «Что богачей погнали – это хорошо, а вот царя-батюшку зачем же?» В Центральном Черноземье, к примеру, у крестьян на устах были имена начальников войск, проходивших по этим местам с боями, – сначала Антона Ивановича Деникина, затем Семена Михайловича Буденного. Непримиимые враги, командовавшие противоборствующими армиями. Если война гражданская, следовало бы ожидать, что они выходцы из антагонистических классов. А на самом деле? Генерал-лейтенант царской армии Деникин – внук крепостного крестьянина, командарм Первой Конной Буденный – зажиточный кубанский казак из Ставрополя. Что делало их смертельными врагами? Может быть, преследуемые цели?

Чего хотел Деникин? Чего хотели белые вообще? Нам внушали, что восстановления монархии. Так ли это? Не та же ли армия в феврале 1917-го благополучно сдала «царя-батюшку»? Все ли меры она приняла, чтобы вызволить его из заточения, в период до июня 1918-го? Тогда чего добивались и Колчак, и Деникин, и Врангель, и Юденич, проливая реки крови? Возрождения великой России? Но какой? Этого они и сами четко не знали.

А чего хотели Буденный, Ворошилов, Фрунзе и другие красные? Похоже, лучше всех это знал Троцкий: они хотели мировой революции. Официально все воевали за советскую власть – власть рабочих и крестьян. А что получилось в результате победы? Ответ очевиден, особенно если смотреть с современных позиций.

Гражданская война подразумевает четко структурированное гражданское общество с ясной идеологией и высокой политической грамотностью участвующих в ней сторон. Могло ли такое быть в стране, в которой всего полвека назад отменили крепостное право? В которой не то что о политической грамотности не могло идти речи – большинство населения вообще было неграмотным. «Минуя капиталистическую стадию развития» – эта характеристика современной российской истории включает все: и неумение народа жить в социуме в соответствии с законом, и неверное понимание своих прав и обязанностей, и недостаток опыта разных форм классовой борьбы, и отсутствие гражданского общества как

такового.

Линия фронта разделяла не социальные слои, а подчас обычную крестьянскую семью, где один брат оказывался у красных, другой – у белых, а то и вовсе у зеленых. Многие не выбирали сознательно, за кого воевать. Все решалось случайно и зависело от того, где и кого под страхом смерти успели мобилизовать пришедшие в данную местность войска. Более того, разграничительная линия порой пересекала не только семью, но и душу человека, в которой с особой остротой разгоралась извечная борьба между добром и злом, между животным и социальным началом. И какая бы сторона ни победила, каждый из ее бойцов еще долго будет испытывать на себе последствия внутренней борьбы, что будет отражаться на его действиях. Это мы и наблюдали в последующей истории, когда военный герой вдруг оказывался в обычной жизни предателем, трусом, беспринципным угодником или стяжателем.

Понятно, что в таких условиях столкновения становятся особенно жестокими. Отсюда и определение «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Таким он был, таким и будет, если допустить его. Ведь гражданского общества у нас и поныне нет.

Раньше большинство людей об этом не задумывались – жили, как привыкли, а другого образа жизни и не видели. Но вот появилась возможность ездить за границу – и начались открытия. Например, в Италии на междугородних авто-

трассах, как правило, три полосы движения в одну сторону. Едут все по средней полосе, по левой только обгоняют и тут же возвращаются в свой ряд. Правая полоса – исключительно для спецслужб: скорой помощи, полиции и т. п. Как-то мне пришлось стоять там в пробке, вызванной серьезным дорожно-транспортным происшествием. Вынужденная стоянка растянулась часа на два. И вы думаете, кто-нибудь попытался нырнуть на правую полосу? Ни один автомобиль, кроме медицинских и полицейских. Возможно ли такое в России?!

Путешествующий по Германии или Швейцарии быстро убедится, что стоит ему выбросить из машины окурок, как он на следующем же перекрестке будет остановлен и оштрафован: кто-то из законопослушных граждан уже постарался и донес в полицию, сообщив и номер машины.

Когда-то в Германии нам приходилось отлавливать советских солдат, бежавших из воинских частей. Это всегда было большим ЧП: дезертир, да еще иногда и с оружием, на территории иностранного государства! Что он готов выкинуть, никто не знает. На его поиски мобилизовывали всех подряд – комендатуру, командиров, политработников, работников особых отделов. Если розыск затягивался, по договору обращались в немецкую полицию за помощью.

И тут начиналось самое интересное. Немецкие товарищи устраивали штаб поиска где-нибудь в «гаштете» (кафе), проводили туда телефонную связь, куда-то звонили, а затем

успокаивали нас: «Сидим, пьем лимонад, сейчас придет Ганс и все доложит». К нашему удивлению, минут через пятнадцать появлялся гражданский Ганс и докладывал: советского солдата видели полчаса назад в Цоссене, идет в сторону Нойбурга, минут через сорок будет там. Наши вскакивали, пытаясь броситься в погоню. Немецкие полицейские успокаивали: мол, сидите, не волнуйтесь, через час он будет здесь без единого выстрела – его «ведут» наши люди. «Сколько же их?!» – спрашивали мы. – «Все население Германской Демократической Республики». И представители народной полиции были недалеко от истины: каждый гражданин ГДР считал для себя честью выполнить гражданский долг.

Как это непохоже на нашу действительность, когда большинство людей в метро, автобусе или на улице почитают за доблесть укрывательство злостного хулигана и не учитывают, что, привыкнув к безнаказанности, он в следующий раз учинит насилие уже над ними, над их детьми и внуками. Не понимает наш народ, что, выступая против смертной казни, он тем самым плодит бандитов и насильников, в чем все уже не раз убеждались, но выводы почему-то делали противоположные.

Это всего лишь бытовые примеры, демонстрирующие, что развитое гражданское общество у нас и сегодня отсутствует. Есть примеры и посерьезнее. Как-то в разгар гайдаровских реформ приехали в Россию «аргентинские русские» из первой волны российских эмигрантов. С каким изумлением

смотрели они на происходящее: «Стоит у нас повысить цены или налоги на 3 %, как все население уже на улицах, на демонстрациях. Нередко это заканчивается отставкой правительства. У вас рост идет не на проценты, а в десятки и сотни раз. Неужели народ считает, что так и надо?»

Что на это ответишь? Что глупый Хрущев клеймил Сталина на глазах у миллионов «верных» вождю коммунистов, большинство из которых недавно прошли самую страшную в истории войну, а они молчали, считая, что «так и надо»? Что десятилетиями позже они терпели бездейтельных престарелых руководителей под предводительством Брежнева? Что своими голосами привели к власти куражащегося алкоголика Ельцина? Что молчали и тогда, когда, находясь в очередном запое, он расстреливал законно избранный Верховный Совет страны? Три года спустя убийца, несмотря на послеинфарктное состояние, подтасовал результаты очередных выборов, пришел к власти. И опять все молчали. Потом тот же клоун назначил себе в преемники никому не известного рядового офицера КГБ/ФСБ – и люди послушно проголосовали за него, после чего позволили ему поглумиться над здравым смыслом. Как еще назвать то, что мебельщика поставили распоряжаться армией, врача – сельским хозяйством, экономиста – медициной, торговца цветами – энергосистемой. Лишь бы они имели отношение к «питерской группировке». И наконец, совершенно позабыв, что высшая власть у нас в стране выборная, очередной «народный избранник» сооб-

шил, что выдвигает начальника своей канцелярии на должность президента. И опять народ безмолвствует. Впрочем, довольно примеров. Их вполне достаточно, чтобы сделать следующий вывод.

ВЫВОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Гражданского общества в общепринятом на Западе понимании у нас не было, нет и в ближайшее время не предвидится. Не приходится надеяться и на использование достигнутой на Западе в результате многовековой эволюции общественного сознания некой договоренности о правилах общежития и выработанных там приемов (выборных технологий, гласности, всенародных референдумов и т. п.). К еще более тяжелым последствиям могут привести попытки решить общественные проблемы силовым путем. Итог всегда один – «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Не лучшим образом сказывается отсутствие развитого института гражданского общества и в ходе мирного созидания, когда строится социализм без социалистов.

Парадокс пятый: социализм без социалистов

После гражданской войны и кратковременного периода, получившего название «нэп» (новая экономическая политика), страна приступила к развернутому строительству социализма. И опять парадокс! Мало того, что в СССР к тому времени не было ни одной партии с названием «социалистическая», – наоборот, велась ожесточенная борьба с оппортунизмом, выступавшим под флагом социал-демократии. И борьба эта началась с того момента, когда Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) была переименована в Российскую коммунистическую партию большевиков (РКП(б)). Все остальные российские социал-демократы (меньшевики), социалисты-революционеры (эсеры) и прочие были устранены. В одних случаях поводом для этого стали открытые выступления против советской власти (левоэсеровский мятеж 6 июля 1918 года), в других оппозиционные партии распускались по идеологическим соображениям. Причем не было особой разницы, как они назывались – промышленной партией, троцкистско-зиновьевской группировкой или еще как-нибудь. Важно, что дозволена была одна партия – коммунистическая партия большевиков. Без отклонений и разномыслий. Одинаково карался что левый, что правый уклон.

Более того, борьба с социал-демократами вышла далеко за пределы нашей страны. Непрерывно велась она в рамках Коммунистического интернационала (III Коминтерна, просуществовавшего до 1943 года). А немецкие коммунисты-интернационалисты во главе с Эрнстом Тельманом так усердствовали в борьбе с немецкими же социал-демократами, что пропустили к власти куда более опасных национал-социалистов.

Спектр социалистических партий в прошлом веке оказался чрезвычайно широк. Социализм как общественный строй считался первой, низшей стадией коммунизма. В самом названии отражался упор на социальную сущность человека (в отличие от биологической сущности). То есть социалистом мог считаться гражданин, который видит путь к улучшению благосостояния каждого члена общества в улучшении благосостояния всего социума, а не пытается урвать себе кусок пожирнее в обход сограждан. В этом его сходство с коммунистом. Разница – в системах распределения. Если социализм утверждает принцип «От каждого по способностям, каждому – по труду», то более развитый в экономическом отношении коммунизм продвигается дальше: «От каждого по способностям, каждому – по потребностям».

Почему же при столь близкой идеологии между коммунистами и социалистами шла такая непримиримая борьба? Дело в том, что названия политических партий по большому счету ни о чем не говорят. Что общего между российской

РСДРП и фашистской НСДАП? А ведь и та и другая были «социал-демократическими» и даже «рабочими». Заметим, что у историков есть большой долг перед обществом: до сих пор не существует широко известных комплексных исследований такого понятия, как «политическая партия». Хотелось бы видеть всесторонний анализ этого непростого явления, рассматривающий его различные аспекты – идеологический, экономический, политический, организационный, управленческий. В конце концов, не помешает ответ на сакраментальный вопрос: кому и зачем нужны политические партии? Например, в некоторых странах они рассматриваются исключительно как неперенный атрибут гражданского общества, инструмент подготовки и проведения выборов. В период между выборами партии выполняют представительские и публичные функции в выборных органах. И никому не придет в голову назвать американских республиканцев или демократов партией власти.

Иное дело у нас. Новая партия, едва организовавшись, устремляется к власти, спешит заявить: «Есть такая партия!» А дальше в соответствии с ленинским пророчеством в ряды правящей партии проникают честолюбцы, жулики всех мастей, которые представляют угрозу власти – большую, чем иностранное военное вмешательство. Почему так происходит? Поскольку фундаментальные исследования на эту тему мне неизвестны, попытаюсь высказать несколько замечаний по данному вопросу с позиций системного анализа и науки

управления.

Приходится сделать неутешительный вывод: политические партии у нас – это инструмент захвата власти либо ее удержания. Окиньте мысленным взором историю страны с начала XX века. Когда пышно расцветали политические партии? Накануне крушения существующего строя. Когда утверждалась однопартийная система? Когда власть в стране достигала пика своего могущества. Потом правящая партия начинала идеологически размываться, деградировать – и так до тех пор, пока не возникало необходимости в радикальных переменах, вплоть до новой революции. Тогда начиналось все сначала: многопартийность, плюрализм мнений, толерантность, все виды свобод – и так до тех пор, пока новая власть не укрепитя и не разгонит всех конкурентов.

Порочный круг, как утверждают исследователи, попытался разорвать Сталин. Он был, хоть это и прозвучит странно, великим гуманистом, прагматиком и гениальным управленцем. Говорят, к концу жизни Иосиф Виссарионович пришел к выводу, что партия выполнила свою роль: она организовала и защитила революцию, на чем и исчерпала свои исторические функции. Настало время постепенно сворачивать ее деятельность и передавать все присущие ей функции органам государственной исполнительной власти. Помните, как подписывался Сталин в газетных публикациях важнейших документов той поры? Сначала «Председатель Совета Министров» и лишь потом «секретарь ЦК КПСС» (даже не «ге-

неральный секретарь»).

Почему это так? Исполнительная власть государства выстроена по вертикали, на вершине которой находится ее высший орган – правительство, Совет Министров. Там по определенным узаконенным алгоритмам вырабатываются управленческие сигналы и по действующим каналам связи спускаются для исполнения низовым механизмам. Действия последних и достигнутые результаты контролируются датчиками (органами) обратной связи. Информация об итогах деятельности по каналам обратной связи возвращается высшим органам власти для корректировки управляющих сигналов. Как видим, в этой системе нет места правящей политической партии.

Правда, есть нюанс. Нельзя из одной точки по одной линии обеспечить руководство всем многоплановым хозяйством страны. Даже гениальный человек не может одновременно руководить металлургией, армией, сельским хозяйством и культурой. Поэтому управление осуществляется поканально, в нашем случае – через министерства и ведомства. Из центра вниз спускается не одна классическая система управления, а много, она как бы расщеплена. Теперь представим себе обыкновенный административный район, в котором есть и воинские части, и транспортные коммуникации, и промышленные предприятия, и учреждения культуры, и колхозы. Не всегда их интересы совпадают, а подчиняются они разным министерствам и главам. Что же

делать, когда интересы хозяйствующих субъектов столкнулись? Каждому докладывать своему министерству и ждать, пока они выработают решение на уровне Совета Министров или Политбюро? А если время не терпит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.